

Толстой Лев Николаевич

Фальшивый купон

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Фальшивый купон / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 68 с.

ISBN 978-5-519-77211-2

ISBN 978-5-519-77211-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ФАЛЬШИВЫЙ КУПОНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Федоръ Михайловичъ Смоковниковъ, предсѣдатель казенной палаты, человѣкъ неподкупной честности и гордящійся этимъ, мрачно либеральный и не только свободо-мыслящій, но ненавидящій всякое проявленіе религіозности, которую онъ считалъ остаткомъ суевѣрій, вернулся изъ палаты въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Губернаторъ написалъ ему преглупую бумагу, по которой можно было предположить замѣчаніе, что Федоръ Михайловичъ поступилъ нечестно. Федоръ Михайловичъ очень озлобился и тутъ же написалъ бойкій и колкій отвѣтъ.

Дома Федору Михайловичу казалось, все дѣлалось ему наперекоръ.

Было безъ пяти минутъ пять часовъ. Онъ думалъ, что сейчасъ же подадутъ обѣдать, но обѣдъ не былъ еще готовъ. Федоръ Михайловичъ хлопнулъ дверью и ушелъ въ свою комнату. Въ дверь постучался кто-то. «Кой чортъ еще тамъ», подумалъ онъ и крикнулъ:

— Кто тамъ еще?

Въ комнату вошелъ гимназистъятаго класса, пятнадцатилѣтній мальчикъ, сынъ Федора Михайловича.

— Зачѣмъ ты?

— Нынче первое число.

— Что? Деньги?

Было заведено, что каждое первое число отецъ давалъ сыну жалованье на забавы—три рубля. Федоръ Михайловичъ нахмурился, досталъ бумажникъ, поискалъ и вынулъ купонъ въ 2 руб. 50 коп., потомъ досталъ кошелекъ,

съ серебромъ и отсчиталъ еще пятьдесятъ копеекъ. Сынъ молчалъ и не бралъ.

— Папа, пожалуйста, дай мнѣ впередъ.

— Что?

— Я не просилъ бы, да я занялъ на честное слово, обѣщался. Я, какъ честный человѣкъ, не могу... мнѣ надо еще три рубля... я, право, не буду просить... не то, что не буду просить, а просто... пожалуйста, папа.

— Тебѣ сказано.

— Да, папа, вѣдь одинъ разъ.

— Ты получаешь жалованья три рубля, и все мало. Я въ твои года не получалъ и пятидесяти копеекъ.

— Теперь всѣ товарищи мои больше получаютъ. Петровъ, Иваницкій пятьдесятъ рублей получаютъ.

— А я тебѣ скажу, что если ты такъ поведешь себя, ты будешь мошенникъ. Я сказалъ.

— Да что же сказали. Вы никогда не войдете въ мое положеніе. Я долженъ буду подлецомъ быть. Вамъ хорошо.

— Пошелъ вонъ, шалопай. Вонъ!

Федоръ Михайловичъ вскочилъ и бросился къ сыну.

— Вонъ! Сѣчь васъ надо ¹⁾.

Сынъ испугался и озлобился, но озлобился больше, чѣмъ испугался, и, склонивъ голову, скорымъ шагомъ пошелъ къ двери. Федоръ Михайловичъ не хотѣлъ бить его, но онъ былъ радъ своему гнѣву и долго еще кричалъ, провозжая сына, бранныя слова.

Когда пришла горничная и сказала, что готово обѣдать, Федоръ Михайловичъ всталъ.

— Наконецъ,—сказалъ онъ,—мнѣ уже и ѣсть не хочется.

И накупившись, вышелъ къ обѣду.

За столомъ жена заговорила съ нимъ, но онъ такъ буркнулъ сердито короткій отвѣтъ, что она замолчала. Сынъ тоже не подымалъ глазъ отъ тарелки и молчалъ. Поѣли молча и молча встали и разошлись.

Послѣ обѣда гимназистъ вернулся въ свою комнатку, вынулъ изъ кармана купонъ и мелочь и бросилъ на столъ, а потомъ снялъ мундиръ, надѣлъ куртку. Сначала гимназистъ взялся за истрепанную латинскую грамматику,

¹⁾ См. примѣчаніе 1-е.

потомъ заперъ дверь на крючокъ, смель рукой со стола въ ящикъ деньги, досталь изъ ящика гильзы, насыпаль одну, заткнулъ ватой и сталъ курить.

Просидѣлъ онъ надъ грамматикой и тетрадами часа два, ничего не понимая, потомъ всталъ и сталъ, топая пятками, ходить по комнатѣ и вспоминать все, что было съ отцомъ. Всѣ ругательныя слова отца, особенно его злое лицо вспоминались ему, точно онъ сейчасъ слышалъ и видѣлъ его. «Шалопай, сѣчь надо». И что больше онъ вспоминалъ, то больше злился на отца. Вспомнилъ онъ, какъ отецъ сказалъ ему: «Вижу, что изъ тебя выйдетъ мошенникъ. Такъ и знай».—«И выйдешь мошенникомъ, если такъ. Ему хорошо. Онъ забылъ, какъ былъ молодъ. Ну, какое же я сдѣлалъ преступленіе? Просто поѣхалъ въ театръ, не было денегъ, занялъ у Пети Грушецкого. Что же тутъ дурного? Другой бы пожалѣлъ, спросилъ, а этотъ только ругаться и о себѣ думать. Вотъ когда у него чего-нибудь нѣтъ—это крикъ на весь домъ, а я мошенникъ. Нѣтъ, хоть онъ и отецъ, а не люблю я его. Не знаю, всѣ ли такъ, но я не люблю».

Въ дверь постучалась горничная. Она принесла записку. — Велѣли отвѣтъ непремѣнно.

Въ запискѣ было написано: «Вотъ уже третій разъ я прошу тебя возвратить взятые тобой у меня 6 рублей, но ты отвиливаешь. Такъ не поступаютъ честные люди. Прошу немедленно прислать съ симъ посланнымъ. Мнѣ самому нужда до зарѣзу. Неужели же ты не можешь достать. Твой, смотря по тому, отдашь ты или не отдашь, презирающій или уважающій тебя товарищъ

Грушецкій».

«Вотъ и думай. Экая свинья какая. Не можетъ подождать. Попытаюсь еще».

И Митя пошелъ къ матери. Это была послѣдняя надежда. Мать его была добрая и не умѣла отказывать, и она, можетъ-быть, и помогла бы ему, но нынче она была встревожена болѣзною меньшого двухлѣтняго Пети. Она разсердилась на Митю за то, что онъ пришелъ и зашумѣлъ, и сразу отказала ему.

Онъ что-то проворчалъ себѣ подъ носъ и пошелъ изъ двери. Ей стало жалко сына, и она воротила его.

— Постой, Митя,—сказала она.—У меня нѣтъ теперь, но завтра я достану.

Но въ Митѣ все еще кипѣла злоба на отца.

— Зачѣмъ мнѣ завтра, когда нужно нынче. Такъ знайте, что я пойду къ товарищу.

Онъ вышелъ, хлопнувъ дверью.

«Больше дѣлать нечего, онъ научить, гдѣ часы заложить», подумалъ онъ, ощупывая часы въ карманѣ.

Митя досталъ изъ стола купонъ и мелочь, надѣлъ пальто и пошелъ къ Махину.

II.

Махинъ былъ гимназистъ съ усами. Онъ игралъ въ карты, зналъ женщинъ, и у него всегда были деньги. Онъ жилъ съ теткой. Митя зналъ, что Махинъ нехорошій малый, но, когда онъ былъ съ нимъ, онъ невольно подчинялся ему. Махинъ былъ дома и собирался въ театръ. Въ грязной комнаткѣ его пахло душистымъ мыломъ и одеколономъ.

— Это, братъ, послѣднее дѣло,—сказалъ Махинъ, когда Митя рассказалъ ему свое горе, показалъ купонъ и пятьдесятъ копеекъ и сказалъ, что ему нужно девять рублей.— Можно и часы заложить, а можно и лучше,—сказалъ Махинъ, подмигивая однимъ глазомъ.

— Какъ лучше?

— А очень просто.

Махинъ взялъ купонъ.

— Поставить единицу передъ 2.50, и будетъ 12.50.

— Да развѣ бываютъ такіе?

— А какъ же, а на тысячерублевыхъ билетахъ. Я одинъ спустилъ такой.

— Да не можетъ быть.

— Такъ что жъ, валить?—сказалъ Махинъ, взявъ перо и расправивъ купонъ пальцами лѣвой руки.

— Да вѣдь это нехорошо!

— И, вздоръ какой!

«И точно», подумалъ Митя, и ему вспомнились опять ругательства отца: мошенникъ. «Вотъ и буду мошенникъ». Онъ посмотрѣлъ въ лицо Махину. Махинъ смотрѣлъ на него, спокойно улыбаясь.

— Такъ что жъ, валить?

— Вали.

Махинъ старательно вывелъ единицу.

— Ну, вотъ теперь пойдѣмъ въ магазинъ. Вотъ тутъ на углу: фотографическія принадлежности. Мнѣ кстати рамка нужна, вотъ на эту персону.

Онъ досталъ фотографическую карточку большеглазой дѣвицы съ огромными волосами и великолѣпнымъ бюстомъ.

— Какова душка? А?

— Да, да. Какъ же...

— Очень просто. Пойдемъ.

Махинъ одѣлся, и они вмѣстѣ вышли.

III.

Во входной двери фотографическаго магазина зазвонилъ колокольчикъ. Гимназисты вошли, оглядывая пустой магазинъ съ полками, уставленными принадлежностями, и съ витринами на прилавкахъ. Изъ задней двери вышла некрасивая, съ добрымъ лицомъ женщина и, ставъ за прилавкомъ, спросила, что нужно.

— Рамочку хорошенькую, мадамъ.

— На какую цѣну? — спросила дама, быстро и ловко перебирая руками въ митенкахъ, съ опухшими сочлененіями пальцевъ, рамки разныхъ фасоновъ. — Эти на 50 копеекъ, а эти подороже. А вотъ эти — очень миленькій, новый фасонъ — рубль двадцать.

— Ну, давайте эту. Да нельзя ли уступить? Возьмите рубль.

— У насъ не торгуются, — достойно сказала дама.

— Ну, Богъ съ вами, — сказалъ Махинъ, кладя на витрину купонъ. — Давайте рамочку и сдачу, да поскорѣй, намъ въ театръ не опоздать.

— Еще успѣете, — сказала дама и стала близорукими глазами разсматривать купонъ.

— Мило будетъ въ этой рамочкѣ? А? — сказалъ Махинъ, обращаясь къ Митѣ.

— Нѣтъ ли у васъ другихъ денегъ, — сказала продавщица.

— То-то и горе, что нѣту. Мнѣ далъ отецъ, надо же размѣнять.

— Да неужели нѣтъ рубля двадцати?

— Есть 50 копеекъ. Да что же, вы боитесь, что мы васъ обманываемъ фальшивыми деньгами?

— Нѣтъ, я ничего.

— Такъ давайте назадъ, мы размѣняемъ.

— Такъ сколько вамъ?

— Да, стало-быть, одиннадцать съ чѣмъ-то.

Продавщица пощелкала на счетахъ, отперла конторку, достала десять рублей бумажкой и, пошевеливъ рукой въ мелочи, собрала еще шесть двугривенныхъ и два пятака.

— Потрудитесь завернуть, — сказалъ Махинъ, неторопливо взявъ деньги.

— Сейчасъ.

Продавщица завернула и завязала бечевкой.

Митя перевелъ дыханье только, когда колокольчикъ входной двери зазвенѣлъ за ними, и они вышли на улицу.

— Ну вотъ тебѣ десять рублей, а эти дай мнѣ. Я тебѣ отдамъ.

И Махинъ ушелъ въ театръ, а Митя пошелъ къ Грущекму и рассчитался съ нимъ.

IV.

Черезъ часъ послѣ ухода гимназистовъ хозяинъ магазина пришелъ домой и сталъ считать выручку.

— Ахъ, дура косолапая! Вотъ дура-то, — закричалъ онъ на свою жену, увидавъ купонъ и тотчасъ же замѣтивъ поддѣлку. — И зачѣмъ брать купоны?

— Да ты самъ, Женя, бралъ при мнѣ, и именно двѣнадцатирублевые, — сказала жена, сконфуженная, огорченная и готовая плакать. — Я и сама не знаю, какъ они меня обморочили, — говорили она, — гимназисты. Красивый молодой человѣкъ, казался такой комильфотный.

— Комильфотная дура, — продолжалъ браниться мужъ, считая кассу. — Я беру купонъ, такъ знаю и вижу, что на немъ написано. А ты, я чай, только рожу гимназистовъ разсматривала на старости лѣтъ...

Этого не выдержала жена и сама разсердилась.

— Настоящій мужчина. Только другихъ осуждать, а самъ проиграешь въ карты пятьдесятъ четыре рубля — это ничего.

— Я — другое дѣло...

— Не хочу съ тобой говорить, — сказала жена и ушла въ свою комнату и стала вспоминать, какъ ея семья не

хотѣла выдавать ее замужъ, считая ея мужа гораздо ниже по положенію, и какъ она одна настояла на этомъ бракѣ, вспомнила про своего умершаго ребенка, равнодушіе мужа къ этой потерѣ и возненавидѣла мужа такъ, что подумала о томъ, какъ бы хорошо было, если бы онъ умеръ. Но, подумавъ это, она испугалась своихъ чувствъ и поторопилась одѣться и уйти. Когда ея мужъ вернулся въ квартиру, жены уже не было. Она, не дожидаясь его, одѣлась и одна уѣхала къ знакомому учителю французскаго языка, который звалъ нынче на вечеръ.

V.

У учителя французскаго языка, русскаго поляка, былъ парадный чай съ сладкими печеньями, а потомъ сѣли за нѣсколько столовъ въ винтъ.

Жена продавца фотографическихъ принадлежностей сѣла съ хозяиномъ, офицеромъ и старой, глухой дамой въ парикъ, вдовой содержателя музыкальнаго магазина, большой охотницей и мастерицей играть. Карты шли къ женѣ продавца фотографическихъ принадлежностей, она два раза назначила шлемъ. Подлѣ нея стояла тарелочка съ виноградомъ и грушей, на душѣ у нея было весело.

— Что же Евгеній Михайловичъ не идетъ? — спросила хозяйка съ другого стола. — Мы его пятымъ записали.

— Вѣрно, увлекся счетами, — сказала жена Евгенія Михайловича, — нынче расчеты за провизію, за дрова.

И, вспомнивъ про сцену съ мужемъ, она нахмурилась, и ея руки въ митенкахъ задрожали отъ злобы на него.

— Да вотъ легкокъ на поминѣ, — сказалъ хозяинъ, обращаясь къ входившему Евгенію Михайловичу. — Что запоздали?

— Да разныя дѣла, — отвѣчалъ Евгеній Михайловичъ веселымъ голосомъ, потирая руки. И, къ удивленію жены, онъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— А знаешь, я купонъ-то спустилъ.

— Неужели?!

— Да, мужику за дрова.

И Евгеній Михайловичъ разсказалъ всѣмъ съ большимъ пегодованіемъ, — въ разсказъ его включала подробности его жена, — какъ надули его жену безсовѣстные гимназисты.

— Ну-съ, теперь за дѣло,— сказалъ онъ, усаживаясь за столъ, когда пришелъ его чередъ, и тасуя карты.

VI.

Дѣйствительно, Евгений Михайловичъ спустилъ купонъ за дрова крестьянину Ивану Миронову.

Иванъ Мироновъ торговалъ тѣмъ, что покупалъ на дровяныхъ складахъ одну сажень дровъ, развозилъ ее по городу и выкладывалъ такъ, что изъ сажени выходило пять четверокъ, которыя онъ продавалъ за ту же цѣну, какую стоила четверть на дровяномъ дворѣ. Въ этотъ несчастный для Ивана Миронова день онъ рано утромъ вывезъ осьмушку и, скоро продавъ, наложилъ другую осьмушку и надѣялся продать, но провозилъ до вечера, добиваясь покупателя, но никто не купилъ. Онъ все попадалъ на опытныхъ городскихъ жителей, которые знали обычныя продѣлки мужиковъ, продающихъ дрова, и не вѣрили тому, что онъ привезъ, какъ онъ увѣрялъ, дрова изъ деревни. Самъ онъ проголодался, иззябъ въ своемъ вытертомъ полушубкѣ и рваномъ армякѣ; морозъ къ вечеру дошелъ до двадцати градусовъ; лошаденка, которую онъ не жалѣлъ, потому что собирался продать ее драчамъ, совсѣмъ стала. Такъ что Иванъ Мироновъ готовъ былъ даже съ убыткомъ отдать дрова, когда ему встрѣтился ходившій за табакомъ въ магазинъ и возвращавшійся домой Евгений Михайловичъ.

— Возьмите, баринъ, за-дешево отдамъ. Лошаденка стала совсѣмъ.

— Да ты откуда?

— Мы изъ деревни. Свои дрова, хорошія, сухія.

— Знаемъ мы васъ. Ну, что возьмешь?

Иванъ Мироновъ запросилъ, сталъ сбавлять и, наконецъ, отдалъ за свою цѣну.

— Только для васъ, баринъ, что близко везти,— сказалъ онъ.

Евгений Михайловичъ не очень торговался, радуясь мысли, что онъ спуститъ купонъ. Кое-какъ, самъ подтягивая за оглобли, Иванъ Мироновъ ввезъ дрова на дворъ и самъ разгрузилъ ихъ въ сарай. Дворника не было. Иванъ Мироновъ сначала замаялся брать купонъ, но Евгений

Михайловичъ такъ улестилъ его и казался такимъ важнымъ бариномъ, что онъ согласился взять.

Войдя съ задняго крыльца въ дѣвичью, Иванъ Миropовъ перекрестился, оттаялъ сосульки съ бороды и, заворотивъ полу кафтанѣ, досталъ кожаный кошелекъ и изъ него восемь рублей пятьдесятъ копеекъ и отдалъ сдачу, а купонъ завернулъ въ бумажку и положилъ въ кошелекъ.

Поблагодаривъ, какъ водится, барина, Иванъ Мироновъ, разгоняя уже не кнутомъ, а кнутовищемъ насилу передвигавшую поги, обѣиндеѣвшую, обреченную на смерть клячонку, порожнемъ погналъ къ трактиру.

Въ трактирѣ Иванъ Мироновъ спросилъ себѣ на пять копеекъ вина и чая и, отогрѣвшись и даже распотѣвши, въ самомъ веселомъ расположеніи духа бесѣдовалъ съ спдѣвшемъ у его же стола дворникомъ. Онъ разговаривалъ съ нимъ, рассказавъ ему всѣ свои обстоятельства. Рассказавъ, что былъ онъ изъ деревни Васильевскаго, въ двѣнадцати верстахъ отъ города, что онъ — отдѣленный отъ отца и братьевъ и живетъ теперь съ женой и двумя ребятами, изъ которыхъ старшій только ходилъ въ училище, а еще не помогалъ ничего. Рассказавъ, что онъ здѣсь стоитъ на фатерѣ и завтра пойдетъ на конную, продастъ своего одра и присмотритъ, а если придется — купить лошадку. Рассказавъ, что у него собралось теперь безъ рубля четвертная, и что у него половина денегъ въ купонѣ. Онъ досталъ купонъ и показалъ дворнику. Дворникъ былъ безграмотный, но сказалъ, что онъ мѣнивалъ для жильцовъ такіа деньги, что деньги хорошіа, но бываютъ поддѣльныя, и потому совѣтовалъ для вѣрности отдать здѣсь, у стойки. Иванъ Мироновъ отдалъ половому и велѣлъ принести сдачи, но половой не принесъ сдачу, а пришелъ лысый, съ глянцовитымъ лицомъ, приказчикъ съ купономъ въ пухлой рукѣ.

— Деньги ваши не годятся, — сказалъ онъ, показывая купонъ, но не отдавая его.

— Деньги хорошіа, мнѣ баринъ далъ.

— То-то, что не хорошіа, а поддѣльныя.

— А поддѣльныя, такъ давай ихъ сюда.

— Нѣтъ, братъ, вашего брата учить надо. Ты съ мошенниками поддѣлалъ.

— Давай деньги, какую ты имѣешь полную праву?

— Сидоръ! кликни-ка полицейскаго,— обратился буфетчикъ къ половому.

Иванъ Мироновъ былъ выпивши. А выпивши онъ былъ неспокоенъ. Онъ схватилъ приказчика за воротъ и закричалъ:

— Давай назадъ, я пойду къ барину. Я знаю, гдѣ онъ.

Приказчикъ рванулся отъ Ивана Миронова, и рубаха его затрещала.

— А, ты такъ! Держи его!

Половой схватилъ Ивана Миронова, и тутъ же явился городской. Выслушавъ, какъ начальникъ, въ чемъ дѣло, онъ тотчасъ же рѣшилъ его:

— Въ участокъ.

Купонъ городской положилъ себѣ въ портмонэ и вмѣстѣ съ лошадыю отвелъ Ивана Миронова въ участокъ.

VII.

Иванъ Мироновъ переночевалъ въ участкѣ съ пьяными и ворами. Уже около полдня его потребовали къ околоточному. Околоточный допросилъ его и послалъ съ городовымъ къ продавцу фотографическихъ принадлежностей. Иванъ Мироновъ запомнилъ улицу и домъ.

Когда городской вызвалъ барина и представилъ ему купонъ и Ивана Миронова, утверждавшаго, что этотъ самый баринъ далъ ему купонъ, Евгений Михайловичъ сдѣлалъ удивленное, а потомъ строгое лицо.

— Что ты, видно съ ума спятилъ. Въ первый разъ его вижу.

— Баринъ! Грѣхъ, умирать будемъ,— говорилъ Иванъ Мироновъ.

— Что съ нимъ сдѣлалось? Да ты, вѣрно, заспалъ? Ты кому-нибудь другому продалъ,— говорилъ Евгений Михайловичъ.— Впрочемъ, постойте, я пойду у жены спрошу, не брала ли она вчера дрова.

Евгений Михайловичъ вышелъ и тотчасъ же позвалъ дворника, красиваго, необыкновенно сильнаго и ловкаго щеголя, веселаго малаго Василя, и сказалъ ему, что если у него будутъ спрашивать, гдѣ взяты послѣднія дрова, чтобы онъ говорилъ, что въ складѣ, а что у мужиковъ дровъ не покупали.— А то тутъ мужикъ показываетъ, что я ему фальшивый купонъ далъ. Мужикъ безтолковый, Богъ знаетъ, что говорить, а ты человѣкъ съ понятіемъ.